

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Воскресенье, 17 сентября

День первый

На верхней площадке лестницы толпились подростки. Они подпирали стену, выставив в проход ноги. На них были черные дутые куртки, а лица, все до единого, выражали лишь равнодушие и презрительную скуку. Их голоса доносились до Эммы из-за угла, эхом отражаясь от выложенного кафельной плиткой пола и стен. Как только тинейджеры увидели ее, все разговоры моментально прекратились.

— Прошу прощения... — вежливо сказала Эмма.

Очень медленно они подобрали под себя ноги. Посередине освободился узкий проход, как раз такой, чтобы она могла осторожно пройти по нему. Ей пришлось идти буквально сквозь строй, и она чувствовала, что они не сводят с нее глаз. Подростки в молчании наблюдали, как она, держа на руках Риччи и увешанная многочисленными пакетами, неловко ступает по ступенькам с детской коляской.

Спустившись и завернув за угол, Эмма с облегчением вздохнула. Платформа подземки была пустынной и скудно освещенной. Эмма оглянулась. Мальчишки не стали ее преследовать.

— Рич, у нас все в порядке?

Успокоившись, она присела на корточки рядом с коляской. Обычно ее не так-то легко было вывести из себя, но сейчас, когда с ней был Риччи, оставалось только надеяться, что поезд вот-вот подойдет.

Риччи, круглолицый румяный крепыш тринадцати месяцев от роду, захныкал, завертелся и начал тереть глаза кулачками.

— Устал, маленький мой? — Эмма принялась покачивать коляску. — Потерпи немножко, скоро мы будем дома.

Она буквально валилась с ног. День выдался трудным и утомительным: им пришлось пересечь Лондон из конца в конец, пока они добрались до Ист-Энда. Впрочем, тому была веская причина. Ей до смерти хотелось вырваться из четырех стен своей квартиры, а прогулки пешком до Хаммерсмит-Бродвей или Норт-Энд-роуд надоели до невозможности. Поэтому Эмма и Риччи решили развеяться и, что называется сменить обстановку. Они побродили между рядами на рынке Спитафилдз-маркет, где купили штанишки и несколько жилетиков для Риччи, а потом зашли в маленькое кафе съесть пару ячменных лепешек с кофе и на десерт — мороженое с кусочками банана. После этого, сев на автобус, они прикатили в Майл-Энд и отправились на прогулку вдоль канала Риджентс, любуясь лебедями и длинными лодками с разрисованными цветочными горшками. Похолодало, пришло время возвращаться домой. В сумерках канал покрылся зеленой грязной тиной, и в одном месте из воды торчала ржавая тележка из супермаркета. Они с трудом отыскивали станцию подземки. Пакеты с покупками, став, похоже, к тому времени вдвое тяжелее, оттягивали Эмме руки и били ее по ногам. Так что, заметив впереди на тротуаре знакомый красно-синий круг лондонского метро, она вздохнула с радостью и облегчением.

— Ма... — Риччи перегнулся через бортик коляски и ткнул ей в руку апельсиновый леденец на палочке. Струйка липкой жидкости текла по его рукаву.

— О боже! — воскликнула Эмма, чувствуя, что голова разболелась не на шутку. — И зачем только я согласилась купить его тебе?

Она раздраженно выхватила у сына леденец и вытерла ему лицо и руки. Огляделась по сторонам в поисках мусорной корзины. Разумеется, ни одной поблизости не обнаружилось. Похоже, горожане покончили со всеми неотложными делами, которые требовали их присутствия на улице, и отправились по домам. Вокруг не было ни души. Так что Эмма могла просто бросить леденец на рельсы, но в конце

концов ограничилась тем, что завернула его в салфетку и сунула в сумочку. На стене напротив платформы висел рекламный плакат какой-то минеральной воды в бутылках. Деревенский пейзаж: деревья, река, мир и покой.

Риччи снова захныкал и принялся дергать ремешки крепления.

— Хорошо, вылезай. — В самом деле, не будет большого вреда, если она позволит ему выбраться из коляски.

Когда она присела, собираясь расстегнуть ремни, из туннеля донесся слабый шелест и хрипение.

Звуки, которые издает приближающийся поезд метро, всегда казались Эмме зловещими. Вы слышите их, но пока ничего не видите. Ушей достигает только перестук колес на стыках рельсов, бегущий впереди непонятной и жуткой громадины, которая вот-вот вынырнет и бросится на вас из темноты. Она быстро подняла Риччи и поставила на платформу. Он тоже услышал шум и повернулся в его сторону. Ветер из туннеля перебирал светлые волосики малыша. Эмма, сжимая одной рукой ляпочки его штанишек, наклонилась над коляской, складывая ее. Шум стал громче. Риччи прижался к ее ноге, ухватившись за джинсы. В тот момент ей некогда было смотреть на сына, но впоследствии она частенько вспоминала, как он выглядел. Круглое маленькое личико, широко раскрытые глазенки, приоткрытый ротик, губки, сложенные буквой «о», — он испуганно смотрел в сторону туннеля в ожидании, когда оттуда вынырнет чудовище.

— Там... — пролепетал он, придя в восторг от того, что в темноте туннеля вспыхнули огни поезда. Он отпустил джинсы Эммы и ткнул ручонкой в ту сторону. На станцию с грохотом влетели покрытые сажей и грязью красные, белые и синие вагоны. Воздух наполнился скрежетом и лязгом — поезд замедлил ход, потом остановился. Рев моторов внезапно стих, как будто кто-то невидимый выключил огромный вентилятор.

Тишина.

Секундой позже с мокрым чавканьем разошлись двери вагонов.

— Вперед! — скомандовала Эмма.

Риччи не пришлось просить дважды. Придерживая за ляпочки, Эмма подвела сына к пустому вагону и слегка приподняла, помогая забраться внутрь. Он вскарабкался в салон на четвереньках, и из его широких штанишек со множеством карманов выглянул кончик памперса. В дверях Риччи, чрезвычайно довольный, выпрямился.

— Ма... — произнес он, поворачиваясь, чтобы помахать ей пухленькой ручкой, и приглашая последовать за собой.

Именно таким она и помнила его все следующие недели. Стоящим в дверях, со сверкающими в улыбке зубками, с косой челочкой на лбу, в шерстяном свитерке с улыбающимся слоненком на груди. В этом не было ничего необычного, таким Эмма видела сына тысячу раз до этого. И внутренний голос не подсказал ей, что она должна сию же секунду забрать Риччи, прижать к груди и больше никогда не отпустить от себя. Он все еще махал ей ручонкой, когда она поставила коляску в вагон рядом с ним и повернулась, чтобы взять пакеты. Наклонившись, она вдруг ощутила какой-то дискомфорт: ляпочки, которые она все еще сжимала правой рукой, легонько натянулись и дрогнули. Мелочь, собственно, ничего особенного, но позже, оглядываясь назад, Эмма вспомнила, что рывок этот выглядел очень странно и в тот момент, пусть и не обратив на него внимания, она нахмурилась. И еще не успев выпрямиться и оглянуться, чтобы посмотреть, что происходит за спиной, она вдруг поняла — случилось нечто очень и очень страшное.

— Фууххххшшш...

Эмма резко развернулась. Несколько мгновений она отказывалась поверить в то, что зафиксировал мозг. Мысли разлетелись, как испуганные мотыльки.

Что изменилось?

Она по-прежнему сжимала в руке ляпочки штанишек Риччи, но двери вагона закрылись.

Закрылись у нее перед носом, и Риччи остался с той стороны.

— Господи!

Бросив пакеты, Эмма подскочила к двери и попыталась раздвинуть их, стараясь просунуть пальцы между резиновыми краями. Через окно ей видна была макушка Риччи.

— Стой и жди меня! — крикнула она. — Я сейчас приду.

О боже, как же открывается эта дверь? Мгновение все плыло у Эммы перед глазами. Но потом она нашла кнопку «Открыть» и нажала ее. Безрезультатно. Она снова вдавила ее, на этот раз изо всех сил. По-прежнему никакого эффекта. В отчаянии она принялась барабанить в дверь кулаками.

— Помогите! — Она в панике обвела платформу взглядом. — Мой ребенок внутри...

Голос ее прозвучал едва слышно и сразу же утонул в вязкой тишине. Платформа была пуста. Лишь темные бетонные плиты на полу, металлические скамейки вдоль стен и молчаливые жерла туннелей с обеих сторон.

— Проклятье!

От волнения сердце готово было выскочить у Эммы из груди. Она понимала, что должна действовать, должна что-то сделать, причем быстро. Снова оглядевшись по сторонам, она вдруг заметила красный ящик на стене со стеклянной крышкой. Пожарная сигнализация. Она инстинктивно рванулась было к нему, но остановилась. Чтобы добраться до кнопки пожарной сигнализации, ей придется выпустить ляпочки. Она пришла в смятение, не зная, как поступить, не желая даже на мгновение разрывать последнюю, хрупкую и ненадежную связь с сыном.

— Помогите! — снова закричала она, на этот раз громче. — Помогите же кто-нибудь!

Вот сейчас наверняка ее услышат. Господи помилуй, это же общественное место, в конце концов! Она находилась в самом центре Лондона.

И тут новая мысль пришла ей в голову. Поезд не двигался. Двери, было такое ощущение, закрылись вечность назад, но поезд по-прежнему стоял на месте.

— Они знают, что произошло.

От облегчения она готова была расплакаться. Ну конечно. Поезд не мог отойти от платформы, пока ляпочки были зажаты в дверях. Должно быть, машинист заметил это в зеркало заднего вида, или на экране монитора, или что там у него есть. Значит, вот-вот появится кто-нибудь и поможет ей. Она продолжала стоять на месте, не зная, что предпринять.

— Все в порядке, — принялась успокаивать себя Эмма. — Все в порядке.

Она снова через стекло посмотрела на Риччи. И вздрогнула от неожиданности. *Что это?* Какое-то движение в дальнем конце вагона?

Там кто-то был. В вагоне с Риччи находился кто-то еще.

В душе у Эммы возникло дурное предчувствие. Ведь только что вагон был пуст, или она ошибается? Она принялась внимательно вглядываться, пытаясь рассмотреть неожиданного пассажира, но металлический поручень, загораживая вид, мешал ей. Но тут человек снова зашевелился, приблизился к окну, и Эмма увидела, что это женщина.

Незнакомка подалась вперед, с опаской глядя в оконное стекло. На вид она была старше Эммы, скорее, ровесница матери, светловолосая, аккуратно одетая и ухоженная. Выглядела она вполне разумной и адекватной. И встревоженной.

Она выглядела... нормальной.

Эмма снова обрела способность дышать.

— Мой ребенок! — крикнула она, делая жалкую попытку улыбнуться. — Мой малыш, он внутри.

Женщина поднесла руку ко рту, на лице ее был написан ужас. Выражение его говорило: «Что я могу сделать?»

— Откройте дверь! — Эмма взмахнула свободной рукой. — Найдите кнопку сигнализации и нажмите ее.

Женщина кивнула. Отступив на шаг, она принялась оглядывать двери в поисках кнопки.